

12 См.: Селунская Н.Б. Россия на пути от патриархальности к цивилизации (методологический поиск исследователей) // Вестн. Моск. ун-та. 1993. Сер. 12. 1993. № 6. С. 81

13 См.: Лейбович О.Л. Реформы и модернизация в 1953-1964 гг. Пермь, 1993. С. 16

14 Козлов В.А. Российская история: обзор идей и концепций 1992-1995 гг. // Свободная мысль. № 5. С. 111

15 Соколов А.К. Лекции по советской истории. М., 1995. Ч. 1. С. 9

16 См.: Данилов А.А., Косулина Л.Г. История России: XX век. М., 1995

17 См.: История России: XX век / Отв. ред. В.П. Дмитренко. М., 1996; и др.

18 Данилов А.А., Косулина Л.Г. История России: XX век. С.5

19 См.: История России: XX век. С. 7

20 См.: Заболотный Е.Б., Камынин В.Д., Тertyшный А.Т. Проблемы социальной истории России 20-30-х гг. XX столетия в творчестве академика В.В. Алексеева // Россия в XX веке: история и историография. Международный альманах. Екатеринбург, 2004. Т. 11; Камынин В.Д., Цыпина Е.А. В.В. Алексеев. Общественный потенциал истории. Екатеринбург, 2004 // Там же; Букин С.С. Алексеев В.В. Общественный потенциал истории. Екатеринбург, 2004 // Урал. ист. вестник. № 12; и др.

21 См.: История Урала: XX век / Под ред. Б.В. Личмана и В.Д. Камынина. Екатеринбург, 1996. Кн. 2; 1998. 2-е изд.; 1999. 3-е изд.; Урал в панораме XX века / Гл. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург, 2000

22 Алексеев В.В. Предисловие // Урал в панораме XX века. С. 8

23 Алексеев В.В. Ключевая проблема Российской истории XX века // Алексеев В.В. Общественный потенциал истории. Екатеринбург, 2004. С. 289

24 Алексеев В.В. Введение // Опыт российских модернизаций ХУ111-XX века. М., 2000. С. 8

25 Алексеев В.В. Модернизация и революция в России: синонимы или антиподы? // Алексеев В.В. Общественный потенциал истории. С. 294-295

26 Алексеев В.В. Что век грядущий нам готовит? // Алексеев В.В. Общественный потенциал истории. С. 382

27 Алексеев В.В. Предисловие // Урал в панораме XX века. С. 8

28 Побережников И.В. Методология изучения истории Ямала ХУ1-Х1Х вв. // Ямал в панораме российской истории. Екатеринбург, 2004. С. 35-52

И. Л. Манькова

ИНКОРПОРАЦИЯ ВОСТОЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ В СОСТАВ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА (XIV— ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVI ВВ.)

Колонизация является неотъемлемой частью истории Российского государства. Уже крылатым стало высказывание С.М. Соловьева

и В.О. Ключевского, что история России «есть история страны, которая колонизируется» [1]. С тех пор исследовательский интерес к истории расширения границ Российского государства, колонизации присоединенных субпространств не ослабевает. Рассматривая восточное направление в складывании Российской империи исследователи, как правило, обращаются к событиям конца XVI— XVII вв., связанным с присоединением Сибири, лишь попутно отмечая, что это не был случайный и стихийный процесс, оно было подготовлено всем ходом исторического развития.

Инкорпорации Сибири предшествовали почти два столетия постепенного продвижения российской государственности на восток, где обширные территории занимало финно-угорское население. В бассейнах рек Вычегды и Печоры проживали коми-зыряне (пермь, пермяки), в Среднем Прикамье — коми-пермяки (чердынцы), в предгорьях Северного Урала и в Зауралье — манси (вогулы) и ханты (остяки). Присоединение этих территорий стало частью процесса централизации Русского государства, поэтому представляется важным рассмотреть влияние этого процесса на методы инкорпорации с учетом географического и временного факторов, изменений геополитической ситуации.

Российское (московское) продвижение на восток было многоплановым явлением, в том числе это и рождение новой социальной идентичности, этнических отношений, регионального хозяйства и т.д. В данной статье мы акцентируем внимание на интеграции новых территорий и их населения в политическую систему государства и социальную структуру.

Северо-восточная часть Русской равнины привлекала внимание новгородцев и ростовских князей еще с домонгольского периода, в первую очередь, своими пушными богатствами и легендами о «закамском серебре». Обладание пермскими землями имело и важное стратегическое значение. По рекам Сухоне, Вычегде проходили транспортные и торговые пути на Печору и Каму, а затем по их притокам можно было перебраться за Уральский хребет. Кама являлась основной водной артерией, связывавшей Приуралье, Северный и Средний Урал с Поволжьем. Из Устюга через пермские земли по Каме проходил один из путей в Золотую Орду. Поэтому эти земли попали в зону интересов Ивана Калиты и его наследников, обладание ими способствовало бы укреплению позиций Москвы на северо-востоке. Главным соперником на пути к достижению этой цели был Новгород.

После распада Золотой Орды и с появлением новых политических центров — Казанского и Тюменского (позднее Сибирского) ханств на евразийском порубежье сложилась новая геополитическая ситуация. Столкновение России и золотоордынских наследников было неизбежным в силу экономических причин — обоюдного стремления обладать важнейшим торговым Волжским путем и материальными ресурсами сопредельных территорий. Вторая половина XV в. стала решающим периодом в закреплении пермских земель в составе Московского государства, что в конечном итоге способствовало российскому успеху в противостоянии с Казанским и Сибирским ханствами.

История вхождения в состав Русского государства земель коми-зырян имеет обширную историографию [2]. Но до сих пор эта проблема далека от окончательного разрешения. Все исследователи используют один и тот же круг источников, поэтому в научном обороте находится общеизвестный комплекс фактов, но имеются разные интерпретации. В источниках и литературе эта территория называется «пермские земли», «Пермь Вычегодская», «Коми край». Одни историки связывают инкорпорацию земель зырян только с завершающим периодом централизации (XV — начало XVI вв.). Другие исследователи полагают, что эта территория вначале была включена в одно из русских княжеств и вместе с ним позднее вошла в состав Русского государства. Например, В.Н. Давыдов считает, что земли зырян были присоединены к Московскому княжеству уже с 1364 г. [3].

На наш взгляд, разные трактовки рассматриваемых событий обусловлены двумя причинами. Во-первых, историки часто употребляют понятие «Пермь Вычегодская» как синоним «пермских земель», не обращая внимания на то, что в разных летописных сюжетах последние имели различное географическое наполнение. Пермь Вычегодская была лишь частью пермских земель, т.е. земель, заселенных зырянами, и использовалась как понятие для обозначения административно-территориальной единицы в составе Московского государства в конце XV в. Во-вторых, отсутствуют общие подходы к выделению этапов и критериев определения завершенности процесса инкорпорации. Представляется продуктивным рассмотрение вхождения пермских земель в состав Московского государства в двух измерениях — географическом и историческом.

Географическое измерение. Чтобы снять существующие противоречия в исторической литературе, необходимо учитывать после-

довательность присоединения пермских земель к Московскому государству. На наш взгляд, административно-территориальное деление, зафиксированное в жалованной грамоте 1484/85 г. жителям Перми Вычегодской, отражает определенные исторические тенденции [4]. Согласно этому документу, территория Перми Вычегодской состояла из Вычегодской, Вымской, Удорской, Сысольской и Ужгинской (Ужговской) земель. Пермь Лузской и Вилегодской Пермцы были приписаны к устюжским волостям. Можно предположить, что, это те самые «пермские места устюжские», которые, согласно Вычегодско-Вымской летописи, великий князь Дмитрий Иванович забрал вместе с Устюгом у ростовского князя Константина в 1364 г. [5]. Таким образом, необходимо считать эти события лишь началом присоединения пермских земель к Московскому княжеству. Это была небольшая территория, которая в конце XV в. даже не попала в состав Перми Вычегодской, а по традиции числилась устюжской волостью. Но именно она стала базой дальнейшей экспансии Москвы, там собиралась первая в пермских землях великокняжеская дань и соответственно проводились необходимые для этого организационные мероприятия. Согласно летописи, в 1386 г. среди владений великого князя уже были вычегодские волости, т.е. за короткий период времени московская экспансия продвинулась в бассейн реки Вычегды.

Также в жалованной грамоте 1484/85 г. пермяки, жившие на Пинеге, и Сура Поганая были причислены к Двинской и Кегрольской волостям. Скорее всего, эти территории как раз являлись теми самыми «пермскими волостями», которые были переданы Новгородом великому князю Василию Дмитриевичу в 1456 г. вместе с Пинегой, Кегролой, Чаколой и Мезенью. По мнению В.Л. Янина, согласно условиям Яжелбицкого мира задвинские волости отошли к Москве вместо ростовских земель, когда-то купленных или захваченных новгородцами [6]. Это и была территория реальных владений Новгорода, которая стояла за абстрактной «Перемью», фигурировавшей среди новгородских волостей в договорных грамотах второй половины XIII - XV вв. [7] Однако спустя некоторое время новгородцы вернули себе задвинские земли, что стало поводом для похода Ивана III на Новгород в 1471 г. В договорной грамоте Новгорода и Москвы 1471 г. к прежнему перечислению двинских волостей и пермских земель, отходивших к великому князю, добавлена Сура Поганая [8]. Таким образом, в 1471 г. присоединение задвинских земель, населенных пермяками, завершило процесс включения

в состав Московского государства всех пермских земель. К тому времени территория непосредственно Перми Вычегодской уже являлась московскими владениями. Вовлечение в орбиту московского влияния, а затем подчинения пермского субпространства, шло путем постепенного расширения зоны взаимодействия славянского и финно-угорского миров.

Историческое измерение. Традиционно для русского средневековья инкорпорация начиналась с установления уплаты дани и завершалась непосредственным подчинением. А. Каппелер обоснованно выделяет следующие ступени присоединения: установление опосредованной экономической, затем административной зависимости и, наконец, полная административная, социальная и конфессиональная интеграция. При этом исследователь отмечает, что особенностью присоединения зырян являлась иная последовательность — сначала христианская миссия, затем русская экспансия. Критерием для определения завершенности процесса инкорпорации может служить именно полная административная, социальная и конфессиональная интеграция [9].

Использование идеологического фактора, привлечение церковных деятелей для решения политических вопросов было обычным делом на Руси. Например, в 1350-е гг. литовский князь Ольгерд добивался осуществления своих политических планов путем назначения митрополитом на все русские земли своих кандидатов — сначала Феодорита, затем Романа [10].

В 1379 г. к зырянам отправился с христианской миссией уроженец Устюга, монах ростовского монастыря Стефан (в последствии святой Стефан Пермский). И в летописях, и в Житии Стефана подчеркивается его связь с Москвой [11]. Именно к московскому великому князю и митрополиту Пимену обратился Стефан в 1383 г. с предложением создать Пермскую епархию и был ими поддержан. Несомненно деятельность Стефана имела важное значение для московского князя, в первую очередь, с экономической точки зрения. Это был тяжелый период для русских земель: в 1382 г. Тохтамыш разорил Москву, и в 1383 г. пришлось везти в Орду огромную дань.

На политическую подоплеку деятельности Стефана, как посланца Москвы, не раз обращалось внимание в отечественной литературе. Этот вопрос обстоятельно рассмотрен финским исследователем Jukka Korpella [12]. Вместе с тем, на наш взгляд, были и серьезные идеологические мотивы христианизации именно зырян и именно в это время. Миссионерская деятельность Стефана являлась частью

общей церковной политики — укрепление позиций православия путем христианизации нерусских народов, проживавших в контактных зонах с «проблемными» районами. Например, с XIII в. таким «проблемным» районом стал северо-запад Руси. Это связано с усилением натиска католической миссии. Предпринимались активные попытки насаждения католичества в Новгородских землях, достаточно вспомнить крестовый поход шведского короля Мангуса в 1348 г. Эти обстоятельства подвигли православную церковь начать христианизацию финских племен (чуди, корелов, лопарей) на севере.

Не менее серьезной опасностью для церкви в последней четверти XIV в. стало распространение ереси стригольников в Новгороде. И в это же время началась христианизация в пермских землях, сопредельных с новгородскими волостями. Напомним, что с именем Стефана Пермского связывается в науке одно из сохранившихся поучений против ереси стригольников.

Стефан утверждал христианство среди населения бассейна Нижней Вычегды до устья Выми, Виледи. Как отмечает Вычегодско-Вымская летопись, те пермяки, кто не хотел креститься, уходили на Удору и Пинегу, т.е. в районы, которые были новгородскими владениями [13]. Лишь в 1444 г. пермский епископ Питирим завершил христианизацию коми-зырян, крестив удорских пермяков на реке Вашке. Как полагает В.Л. Янин, эта область когда-то была захвачена новгородцами у Устюга, а в 1456 г. по условиям Яжелбицкого мира была передана Москве. Таким образом, пермский епископ действовал на территории, относящейся к юрисдикции новгородского архиепископа, явно чувствуя за собой поддержку Москвы. В «третьем» списке Двинских земель 1471 г. район Вашки уже назывался «исконным местом великого князя» [14].

В литературе встречается утверждение, что пермские епископы «получали права, которые в то время обычно имели наместники Москвы, поэтому одновременно пребывали в роли вассалов великих московских князей» [15]. Вряд ли можно согласиться с этим мнением и говорить о каком-то особом положении пермских епископов. Участие церковных деятелей в переговорах и заключении мира, других светских мероприятиях являлось обычной практикой в русских землях. Таким образом, во второй половине XIV — первой половине XV вв. была осуществлена конфессиональная интеграция земель зырян. Она предшествовала политическому включению отдельных районов пермских земель в состав Московского государства и подготовила административную интеграцию региона.

Скупые летописные сообщения позволяют говорить о том, что в первой половине XV в. расширился круг обязанностей местного населения в отношении московского князя — это не только уплата дани, но и участие в военных походах. Так, в 1418 и 1425 гг. вычегжане (жители Вычегодской земли) ходили «воевать Двинскую землю за князя». С 1450 г. среди участников военных походов великого князя наряду с вычегжанами стали упоминаться вымичи (жители Вымской земли), а с 1483 г. — сысоличи (жители Сысольской земли). Это свидетельствует о расширении московских владений в северо-восточном направлении и упрочении позиций Москвы на присоединяемых территориях.

В документах нет прямых свидетельств об организации управления в пермских землях до середины XV в. Приведенные выше факты свидетельствуют о том, что с начала XV в. русские вступали в отношения с устойчивыми территориально-племенными образованиями зырян (вычегжане, вымичи и т.д.). В дальнейшем московские власти органично включили уже сложившиеся этнические структуры в свою административно-территориальную систему, приравняв их к волостям. Также был сохранен и исторически сложившийся порядок управления этими землями-волостями. Во главе земель стояли сотники, им подчинялись десятники [16]. Это были представители родоплеменной знати. После назначения в Пермь Вычегодскую сотники продолжали сохранять свой высокий статус. Например, в 1485 г. наряду с наместниками великого князя (князьями вымскими) и пермским епископом четверо сотников подписывали мир с вогульскими князьями. Жалованная грамота 1484/85 г. явилась ответом на челобитную тех же четверых сотников о посягательстве слуг пермского епископа на родовые угодья местного населения. Сотники обладали определенной независимостью от князей вымских. Последние не могли менять сотников.

Согласно летописям, в 1451 г. Василий II «прислал править» Пермью Вычегодской наместника князя Ермолая, а за ним его сына Василия (князья вымские), а на Пермь Великую «отпустил» Михаила Ермолича (князь великопермский). Их этническая принадлежность, статус, полномочия вызывают острые дискуссии. Публикация в 1958 г. Вычегодско-Вымской летописи разделила историков на тех, кто продолжал считать князей вымских и великопермских представителями аборигенной знати, принявшими христианство, и тех, кто поверил летописной записи об их принадлежности к роду верейских князей, т.е. русских. Этот вопрос имеет принципиальное

значение, поскольку приводит к разной трактовке событий инкорпорации. На наш взгляд, Е.В. Вершининым достаточно убедительно доказана несостоятельность «верейской» гипотезы происхождения князей вымских и великопермских [17]. Мы имеем дело с явной ошибкой переписчиков, исказивших оригинальный текст, где было не «верейских», а «перемских». Определение статуса князей также вызывает разногласия, поскольку в документах они называются «наместниками», «вотчичами». Согласно одной из летописных записей в 1472 г. Иван III отпустил плененного князя Михаила на Пермь «княжिति». Это дало основание ряду исследователей считать Пермь Вычегодскую и Пермь Великую «особыми удельными княжествами», их князей — наследственными наместниками-кормленщиками. На наш взгляд, по своему статусу вымско-пермские князья были близки к служилым князьям. Они имели свои владения на правах вотчины. В жалованной грамоте Ивана III 1484/85 г. отмечены угодья, переданные вымскими князьями в Николаевский монастырь на Сысоле, т.е. они могли распоряжаться своими владениями. Князья получали с волостей корм, но не имели права сами его собирать. Этим занимались волостные сотники. Князья имели административный аппарат в лице тиунов и доводчиков, которые содержались также за счет кормов с местного населения. Князья были слугами великого князя, участвовали со своими войсками в его военных действиях. Пермское и вымское княжение передавалось по наследству.

Привлечение местной родоплеменной элиты к управлению краем, гибкое сочетание местных традиций управления и представительства власти великого князя являлось важным шагом к углублению интеграционных процессов. Ко второй половине XV в., когда началось противостояние Москвы и Казани, вычегодско-вымские земли уже прочно вошли в зону московского влияния, чего нельзя сказать о Перми Великой.

Источники не позволяют выявить начальный этап инкорпорации Перми Великой — Чердыни (Верхнего Прикамья), т.е. когда начался сбор дани с этих земель. Как отмечено выше, назначение наместников великого князя в Пермь Вычегодскую и Пермь Великую произошло одновременно в 1451 г., причем это были близкие родственники. Очевидно, Василий II стремился решить вопрос о присоединении этих территорий одним общим действием, не предавая значения тому, что у Перми Вычегодской и Перми Великой был разный уровень интеграции с Москвой. Первая находилась в орбите

московского влияния уже более 80 лет, для Перми Великой все только начиналось. Если в трудных ситуациях Пермь Вычегодская прибегала к помощи устюжан, тесно связанных с Москвой, то Пермь Великая вступала в союз с Вятской землей, занимавшей независимую от Москвы позицию.

Инкорпорация Перми Великой (в отличие от Перми Вычегодской) началась на другом этапе формирования единого Русского государства, когда московский великий князь занимал уже более прочные позиции. В то же время возникновение Казанского ханства изменило ситуацию на юго-восточном рубеже. Требовались решительные меры по присоединению Верхнего Прикамья.

С 1455 г. пермскими епископами была начата христианизация чердынцев. Для ускорения процесса подчинения в условиях обострения московско-казанских противоречий была использована военная сила. В 1472 г. по указу Ивана III была проведена большая военная кампания на территории Перми Великой. Были взяты в плен и отправлены в Москву князь великопермский Михаил и 5 сотников. Судя по именам, эти сотники еще не были православными. В последующем источники не отмечают какого-либо сопротивления утверждению московских позиций в Перми Великой. Сложная военная обстановка в Приуралье (разорительные набеги казанцев и вогулов) заставляла местное население делать выбор в пользу Москвы. Первые упоминания об участии чердынцев в походах великого князя относятся к 1483 г. [18].

В начале XVI в. князья вымские и великопермские были заменены русскими наместниками. Это диктовалось общей логикой развития централизации. Приблизительно тогда же закончилось автономное существование Пскова, Смоленска и Рязани. Пермские земли были окончательно включены в общероссийскую систему управления со сменяемыми наместниками.

С 1484 г. в титуле Ивана III появилось новое наименование «великий князь Югорский», а с 1500 г. — «князь Обдорский и Кондинский». Три обстоятельства влекли русских за Урал: обеспечение безопасности своих восточных владений от вогульских и татарских набегов, пушнина и подготовка плацдарма для покорения Сибирского ханства. Однако к началу XVI в. присоединение Зауралья и Нижнего Приобья носило формальный характер. В отличие от Приуралья, где русская экспансия проходила на слабозаселенной территории, не было государственных объединений, параллельно развивалась стихийная крестьянская и промысловая колонизация, за Ураль-

ским хребтом во второй половине XV — начале XVI вв. московскому продвижению на восток противостояло довольно сильное государственное образование с высокой степенью милитаризации общества — вогульское Пелымское княжество (бассейн рек Лозьвы, Сосьвы, Пелыма и Тавды), в состав которого на правах вассала входило Кондинское княжество (бассейн реки Конды). В основе могущества властителей Пелыма лежало его выгодное географическое положение: здесь проходил северо-восточный участок Великого мехового пути. В результате военных походов 1460-80-х гг. и 1499 г. вогульские князья были приведены к покорности и находились на положении вассалов великого московского князя [19]. В рассматриваемый период Москва не стала создавать на покоренных территориях своих органов управления, не затронула внутренних социально-политических отношений. По сути дела процесс инкорпорации находился лишь на начальной стадии — установления опосредованной экономической зависимости (уплаты дани). Поскольку инкорпорация вогульских территорий проходила в иной политической обстановке по сравнению с Приуральем, то центральной властью были использованы и другие методы закрепления: дипломатия и время от времени демонстрация военной силы. Для постоянного военного присутствия за Уральским хребтом у Московского государства еще не было возможностей — материальных и людских ресурсов, которые были заняты на западной и южной границах. Главной дипломатической мерой было приведение к шерти, что означало принятие подданства. Думается, что русские осознавали всю условность этого акта, но шли на этот шаг, чтобы обрести лояльных соседей. Неустойчивость социально-политических связей, воинственность аборигенного населения, отсутствие народной колонизации не позволили завершить процесс инкорпорации вогульских земель в состав Российского государства до конца XVI в. Окончательное присоединение Зауралья было неразрывно связано с покорением Сибирского ханства.

Таким образом, рассмотренная история инкорпорации в состав Московского государства Перми Вычегодской, Перми Великой и Зауралья свидетельствует о многовариантности путей решения этой задачи. Выбор методов, последовательность этапов, продолжительность зависели от целого комплекса обстоятельств: возможностей и задач московских великих князей, уровня социально-политического и экономического развития аборигенного населения, внешнеполитической обстановки.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Соловьев С.М. Сочинения в 18 кн. Кн. II. Т. 3 — 4. М., 1988. С. 631; Ключевский В.О. Сочинения в 9 томах. Кн. II. М., 1987. С. 50.
2. Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами X — начало XX в. М., 1982; Жеребцов И.Л., Савельева Э.А., Сметанин А.Ф. История республики Коми. Сыктывкар, 1996; Оборин В.А. Заселение и освоение Урала в конце XI — начале XVII. Иркутск, 1990; Савельева Э.А. Пермь Вычегодская. М., 1971; Чагин Г.Н. Северная Русь и Пермские земли в XI — XV вв. //Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург, 2000. С.277 — 284 и др.
3. Давыдов В.Н. Присоединение Коми края к московскому государству. Сыктывкар, 1977.
4. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. Т. III. М., 1964. С. 308 — 311.
5. Вычегодско-Вымская летопись // Родники Пармы. Сыктывкар, 1989. С.23; Флоря Б.Н. Коми-вымская летопись // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 218 — 231.
6. Янин В.Л. Борьба Новгорода и Москвы за Двинские земли в 50-70-х годах XV в. // Исторические записки. М., 1982. Т. 108. С. 197.
7. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. С. 9, 11, 15, 22, 29, 35 и др.
8. Там же. С. 154.
9. Каппелер А. Россия — многонациональная империя: возникновение, история, распад. М., 2000. С. 18 — 20.
10. Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV — XV веках. М., 1960. С. 549.
11. Святитель Стефан Пермский. СПб., 1995.
12. Jukka Korpella. Stefan von Perm', Heiliger Tdufer im politischen Kontext // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas 49 (2001) H. 4. S. 481 — 499.
13. Вычегодско-Вымская летопись. С. 25.
14. Янин В.Л. Борьба Новгорода и Москвы... С. 197.
15. История Коми АССР. Сыктывкар, 1981. С. 30, 31.
16. Русские термины «сотник» и «десятник» будут использоваться и в XVII в. для обозначения управленческих должностей у коренных народов Сибири.
17. Вершинин Е.В. И еще раз о князьях Вымских и Великопермских / / Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург, 2000. С. 285 — 305.
18. Вычегодско-Вымская летопись. С. 26 — 27.
19. Шашков А.Т. Начало присоединения Сибири // Проблемы истории России. Вып. 4: Евразийское пограничье. Екатеринбург, 2001. С.8 — 50.